

Земное содержаніе жизни само по себѣ—невыносимо, въ немъ нечѣмъ жить и человѣкъ задыхается и въ жаждѣ спасенія открываетъ религію. Такъ представляеть себѣ это Толстой, ибо самъ пережилъ такого рода умираніе и спасеніе. Такъ же объясняетъ онъ себѣ и возникновеніе распространѣйшихъ религій.—«Христіанство и буддизмъ,—говорить онъ,—есть фактъ недовольства жизнью, онъ имѣть основаніемъ сущность жизни» (письмо къ Страхову). Главнымъ же смысломъ христіанскаго ученія признается «возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ», другими словами насыщеніе человѣческой жизни содержаніемъ, черпаемымъ изъ всеобщаго абсолютнаго источника.

Но тутъ же подчеркивается: «никто не призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ». Источникъ познанія — личная внутренняя жизнь человѣка, его отношенія къ верховному смыслу—личныя и непосредственные, и никто не можетъ за другого решить задачу жизни. Какъ сказалъ Толстой въ своемъ ответѣ синоду:—«Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть,—не могу иначе вѣрить, ... готовясь итти къ Богу».

Каждый долженъ открыть въ душѣ отношеніе къ духовному центру міра, каждый въ силу своего рожденія и жизни въ мірѣ долженъ быть вдохновеннымъ, ибо постиже-